

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
КОРОЛЕВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТРИГИ

Анны Даниловой

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката, или Плошевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро

Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамин любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все
Аромат желания
За спиной – двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневого сада
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья
Прекрасный возраст, чтобы умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь – прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре
Проклятие Клеопатры
Сколько живут донжуаны
Последняя защита адвоката

АННА ДАНИЛОВА

Звезды-свидетели

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Звезды-свидетели / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-096320-1

Отныне опасность — постоянный спутник известного композитора Германа Родионова. Надо же умудриться попасть в такую дикую ситуацию! Он не смог отказать в гостеприимстве некой Нине, нагло забравшейся в его машину и потребовавшей убежища. Герман пожалел девицу, приютил ее. А она — в благодарность! — рассказывает ему одну жуткую историю за другой! И мужа-то она своего застрелила, и мачеху отравила, и бывшего начальника прикончила... Вместо того чтобы писать музыку к фильму, Герман вынужден слушать рассказы сумасшедшей! Но какая доля правды и вымысла в кошмарных откровениях? Что, если все это случилось на самом деле?!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Данилова А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096320-1

1

Он ехал и размышлял — вдохновляет ли его зимний сказочный лес и эти переливающиеся серебром ели на создание новых мелодий, или же наоборот — именно музыка, льющаяся из магнитолы и заполняющая собою весь салон, заставляет его по-новому воспринимать мир, этот лес и склонившееся над ним в нежном зимнем сиянии голубое небо? Ответа на подобные вопросы не существовало, и это он тоже понимал. Он вообще многое понимал, но жить от этого легче не становилось. Ему казалось, что он жил в гармонии с собой, все его устраивало в этой жизни, и теперь, когда он скрылся из шумной назойливой Москвы в тихий лес (где, однако, позволил окружить себя привычным комфортом), мелодии должны рождаться сами собой — в его душе, голове, ушах, сердце... Но ничего подобного не происходило. Весь талант, отпущенный ему свыше (все чаще и чаще его посещали такие мысли), слов-

но оставил его, и теперь он, Герман Родионов, известный все еще композитор, чье имя на слуху у каждого человека, более или менее разбирающегося в музыке и любящего кино, страдал от творческого бесплодия. Иногда он называл себя в душе музыкальным импотентом, и это было ужасно!

Из Москвы он уехал без сожалений, даже ни разу, что называется, не оглянувшись. Купил дом в Подмоскovie, в лесу, перевез туда свои вещи, кабинетный рояль, поручил своему другу и продюсеру Леве Рубину присматривать за его московской квартирой и, дав всего лишь одно короткое интервью знакомому журналисту, объявил всему миру о своем желании поработать в тишине и уединении. Поначалу его телефон словно жил своей жизнью — дисплей то загорался, то гас, оповещая его об очередном желающем услышать его голос, а сам телефон издавал неприятные, какие-то зудящие и словно бы елозящие звуки — мол, обрати на меня внимание, ведь это же тебя хотят, а не меня, — но потом звонки прекратились. Словно весь прежний мир его друзей и знакомых понял наконец, что его желание уединиться было все же настоящим, и никакая это не блажь, не дурь — что весь его сложный творческий

организм потребовал от Германа именно такого поступка.

Трудным оказалось первое время добровольного затворничества, поскольку по сравнению с теплой комфортной московской квартирой дом этот напоминал Герману некий живой и абсолютно автономный организм, требовавший к себе постоянного внимания. Живым был паровой котел — при его помощи отапливались комнаты; живым был и самостоятельный, грубоватый с виду камин, который Герман довольно долго учился растапливать дровами (как, впрочем, и паровой котел). Благо электричество было все же не автономным и существовало вполне цивилизованно, питаясь от высоковольтных проводов, тянувшихся от трассы куда-то в лес. Хотя и в этом вопросе прежним хозяином было все предусмотрено досконально: в кладовой Герман нашел небольшой новенький генератор и две бутылки с бензином — на случай, если отключат ток. При помощи этого генератора вполне возможно оставаться со светом и включенным телевизором, не говоря уже о компьютере.

Помимо генератора, в кладовке — уже завезенное самим Германом — было уложено

на полках большое количество консервов и спиртного. Почему бы и нет?

В самом доме было всего три комнаты — гостиная, спальня и кабинет. Чувствовалось, что этот дом строился человеком, заранее знавшим, что он будет здесь жить один. Он и жил здесь один, и то, что Герман выяснил о престижном хозяине, наводило на него тихий ужас... Однако никакие кошмары той жизни, когда-то обосновавшейся здесь, не пристали к новому жильцу. Герман чувствовал себя в доме вполне спокойно, комфортно, хотя и держал всегда при себе небольшой пистолет «Иж-71», да и замки на дверях были внушительными.

Как и всякий нормальный человек, просматривающий криминальную хронику, он понимал, что в округе могут найтись желающие поживиться чужим имуществом, поэтому совсем уж в безопасности почувствовать здесь себя он не мог. Но и способа, как защититься от воров или бандитов, он тоже не видел. А потому старался об этом совсем не думать.

Он переехал в киселевский лес летом. Тогда же, расслабившись на свежем воздухе и размечтавшись, он купил себе два десятка взрослых курочек (благо прежний хозяин

построил теплый сарай) и все это время находил истинное удовольствие в том, чтобы каждый день около полудня вынимать из ящиков, устланных соломой, свежие яйца.

Но если поначалу у него много времени уходило на обустройство и привыкание к новым условиям жизни, и свое творческое безделье он оправдывал именно этими обстоятельствами, то теперь, зимой, когда весь быт уже налажился и единственное, что отвлекало Германа от работы, — нечастые поездки в город за продуктами, оправдания своему нежеланию садиться за рояль уже больше не имелось...

Вернее, он садился за рояль, открывал крышку и пытался наигрывать какие-то мелодии, но потом оказывалось, что он играл свою прежнюю музыку из фильмов, и вырваться из этого круга знакомых музыкальных тем было, казалось бы, невозможно.

Иногда его спасала классическая музыка. Самая разная. Он мог часами слушать фортепьянные записи Рахманинова или Скрябина, а потом наслаждаться музыкой Нино Рота. Или начать утро с Альбини или Брамса, а вечер провести в компании с Дэнни Эльфманом или Эннио Морриконе. Он с удовольствием слушал многочисленные за-

писи Паваротти, и иногда на него находило нечто такое, что он, закрыв лицо ладонями, словно его кто-то мог увидеть, рыдал... вначале он думал, что рыдает от нахлынувших на него чувств, связанных с его разрывом с женой, и тогда он предавался воспоминаниям, углубляясь в них, — и словно видел перед собой Веронику, слышал ее голос; больше того, в какие-то моменты ему казалось, что он поступил с ней подло: предал, оставив ее одну, на растерзание влюбленного в нее по уши Михаила. Но потом он с горечью осознавал, что плачет не по своей угасшей любви к этой милой романтической женщине (к тому же очень быстро выскочившей замуж за этого самого Михаила и успевшей родить ему двоих сыновей), а по себе самом, по своей утраченной силе, — страдает именно как композитор. Что творцы, чью музыку он поглощал всем своим существом, были гениями и наверняка не мучились так, как он, в поисках новых проникновенных мелодий, а он, он... А ему уже ничто не поможет! Ни тихий лес с открытым для порывов вдохновения небом, ни отсутствие раздражающих факторов (друзья, тусовки, суета, женщины), ни бездна свободного времени, ни, как он прежде считал, талант.

На этот раз в салоне его автомобиля звучала Лара Фабиан — The Dream Within. Хотелось ехать и ехать, скользя мимо сугробов, сверкающих так, что, казалось, они посыпаны бриллиантовой пылью...

Машина въехала в лес, дорога сузилась, и Герман подумал, что, к счастью, неподалеку от этого леса находится жилой поселок Киселево с отлично налаженной инфраструктурой, и что сюда — по его же просьбе — время от времени наведываются трактора, расчищающие путь. До самых ворот его дома.

Багажник был забит покупками, и Герман предвкушал, как он сейчас приготовит себе салат из свежих овощей. Почему-то в такие вот затянувшиеся холодные дни ему всегда хотелось чего-то свежего, витаминного, и в магазине у него просто глаза разбегались от изобилия свежих помидоров и перцев, баклажанов и зелени.

— Только не пугайтесь! — услышал он вдруг за спиной женский голос и похолодел. Руки непроизвольно повернули руль, и машина врезалась носом в мягкий пышный сугроб. — Я забралась к вам в машину, когда вы на стоянке разговаривали с каким-то мужиком... просто у меня проблемы, и мне пока что негде жить. Я знаю, кто вы и где живете,

читала в каком-то журнале. Да и внешность у вас запоминающаяся. Красавчик такой!

Герман медленно повернул голову, уверенный в том, что прямо ему в лоб окажется направлено дуло пистолета. Примерно такого же, как его «Иж-71». И не приготовит он себе салат. И вообще, он никогда не выйдет из машины. И весь дорогой кожаный салон его автомобиля кто-то долго будет потом отмывать от крови... Вот такие идиотские мысли у него в голове крутились, пока он не встретился взглядом с ярко-синими глазами худенькой русоволосой девушки в золотистой курточке с капюшоном, отороченным мехом рыжей лисицы. Оружия у нее в руках не было.

Голос у нее был приятный, хрипловатый, чувствовалось, что она курит. Глаза смотрят весело и одновременно умоляюще.

— Я не понял: вам что от меня нужно? Деньги? — хрипло спросил он.

— Пожить у вас, чтобы меня никто не нашел.

— Проблемы на личном фронте? — Он и сам не понял, откуда у него взялся этот ироничный, ничем не оправданный тон. А вдруг у девушки на самом деле серьезные пробле-

мы, а он подшучивает над ней? Или после испуга его бросило в другую крайность?

— Да, можно сказать и так, — с ее нежного лица сошла улыбка. Да и румянец тоже исчез, как будто его кто-то стер.

— Но я живу один не потому, что мне не с кем жить, а потому, что мне нужно работать... я не смогу заниматься своими делами... Вы же знаете...

— Да все я знаю, — устало проговорила она и мгновенно словно бы стала старше. — Вы же Герман Родионов, верно? Это же вы написали музыку к фильмам «Моя мать — кукушка» и «Чужая кровь», так? И еще много другое... К спектаклю «Маргарита никогда не вернется» и «Один страх на двоих»...

Я не удивился. Многие меня знают — даже в лицо. Хотя обычно композиторов узнают по их музыке. Но я же не проигрыватель, чтобы от меня постоянно исходила музыка! Словом, я не знал, как мне отреагировать на то, что в мою машину, пока я беседовал на парковке возле супермаркета с приятелем, забралась незнакомая девушка с какой-то проблемой. Быть может, будь я помоложе, я бы не растерялся так сильно. Или же я продолжал разыгрывать уже не только перед собой, но и перед незна-

комкой свою чрезмерную занятость, словно присутствие в моем доме постороннего человека может помешать мне рождать каждый день по гениальной мелодии? Как бы то ни было, но воспитание не позволило мне открыть дверцу машины и вытряхнуть мою неожиданную пассажирку в сугроб.

— Хорошо, поедem ко мне, а там видно будет, — сказал он уныло, с трудом представляя себе, как будет строить отношения с этой девицей. И в какой роли выступит — обвинителя или защитника?

— Вот спасибо!

Больше она до самого дома не проронила ни слова. Герман посматривал на нее в зеркало — она сидела, с задумчивым видом уставившись в окно, и видно было, что она страдает. А он пытался представить себе, что же могло ее заставить залезть именно в его машину? Словно это не он, а она живет в глухом лесу, без друзей и родственников, у кого можно было бы перекантоваться, переждать тяжелое для себя время. А если она все это выдумала, чтобы забраться в его берлогу и страсти с него деньги? Но наличных у него в доме совсем мало, в городе, как правило,

он расплачивается карточками. Золота и драгоценностей у него тоже нет.

— Я не воровка, — вдруг произнесла она, словно услышав его мысли.

Он промолчал. Даже не выказал ей своего удивления. Постепенно он находил способ общения с ней — как можно больше молчать и ничем не выдавать ни своего любопытства, ни удивления, ни тем более сочувствия. И еще — общаться с нею только на «вы». Так будет проще.

— Я помогу? — спросила она, когда Герман, проехав во двор и заперев за собой тяжелые массивные ворота, открыл багажник, чтобы достать оттуда многочисленные пакеты с едой.

— Давайте, — проговорил он неуверенно.

— А у вас скромный домик... ну просто совсем скромный. Я думала, что у миллионеров не такие дома. — Она говорила с какой-то грустью, словно жалела его. — Хотя для одного вполне достаточно...

Они поднялись на крыльцо, и Герман показал, куда нести пакеты.

— О! Уютненько! Чистенько! — сказала она и опустила тяжелые пакеты на пол. — И тепло. Еще раз извините меня за то, что я напросилась к вам.